

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья
УДК 81'374.2
doi: 10.17223/22274200/33/5

«Словарь русского языка XVIII века» как инструмент для изучения индивидуально-авторского слога

Наталья Викторовна Патроева¹

¹*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, nvpatr@list.ru*

Аннотация. Исследуется связь между авторским словоупотреблением и толково-историческим словарем на материале текстов Феофана Прокоповича, изучается роль книжного и разговорного речевых регистров в создании его ораторских, эпистолярных и художественных произведений. Подобный подход к анализу различных лексических групп с опорой на данные «Словаря русского языка XVIII века» помогает лучше понять языковые нормы и стиль эпохи в целом, культурное влияние творчества Феофана Прокоповича на позднейших авторов.

Ключевые слова: лексикография, исторический словарь, авторский словарь, писательский словарь, лексический уровень текста, диахроническая риторика

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Для цитирования: Патроева Н.В. «Словарь русского языка XVIII века» как инструмент для изучения индивидуально-авторского слога // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. С. 89–106. doi: 10.17223/22274200/33/5

Original article

doi: 10.17223/22274200/33/5

“Dictionary of the Russian Language of the 18th Century” as a tool for studying the individual authorial style

Natal'ia V. Patroeva¹

¹ *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, nypatr@list.ru*

Abstract. The article examines the problem of the connection between the authorial dictionary and the historical dictionary in the context of studying the language and style of writers. The material for the study is illustrations from the works of Feofan Prokopovich, presented in the academic *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century*, which covers the processes of formation of lexical and grammatical norms of the Russian literary language of the corresponding time period. The importance of studying Feofan Prokopovich's literary work in the context of linguistic evolution and the history of the formation of lexical and grammatical norms of the Russian literary language of the time is determined. In particular, the specificity of Feofan Prokopovich's style and the lexical thesaurus of his works is of great importance for understanding linguistic trends and the development of the literary language in the Petrine era and the post-Petrine period. The research methods are lexicographic (analysis of dictionary data), diachronic (study of language changes over time), interpretive (analysis of the meanings and uses of words), and comparative (comparison of various linguistic elements and phenomena). The author also uses a methodology related to the study of the “Western Russian (written) language” and individual works in this language. In the course of the study, the following conclusions were obtained. Feofan Prokopovich used a variety of thematic groups in his writings, covering ancient mythology, religious themes, moral and ethical issues, science, art, military affairs and political geography. Such a variety of vocabulary reflects the important role of Prokopovich not only as a writer, theologian and politician, but also as a person who shapes the new civil discourse of his time and the artistic speech of the Baroque and pre-classical era. The author of the article made a significant contribution to solving the problem posed, using the academic *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century* to analyze the lexical and stylistic palette of the works of Feofan Prokopovich. A detailed analysis of words belonging to various groups was carried out. The importance of the Old Slavonic lexical element in Prokopovich's works was emphasized. New speech trends and elements that influenced his book and written style were identified. Particular attention was paid to the variety of figurative words and phraseological expressions Prokopovich used, based on specific

examples from the historical dictionary. Further analysis will allow us to better understand the features of the terminology Feofan Prokopovich used, as well as the influence of various linguistic and cultural factors on his works, which requires content analysis of the texts created by the writer-reformer and the creation of Feofan Prokopovich's authorial dictionary.

Keywords: lexicography, historical dictionary, authorial dictionary, writer's dictionary, lexical level of text, diachronic rhetoric

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No. 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

For citation: Patroeva, N.V. (2024) "Dictionary of the Russian Language of the 18th Century" as a tool for studying the individual authorial style. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 33. pp. 89–106. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/33/5

Введение: постановка проблемы

В последние десятилетия, не случайно названные «эпохой словарей», наблюдается настоящий «бум» в области авторской (писательской) лексикографии (см. подробнее [1. С. 15–16]). В силу этого особую актуальность приобретают исследования новых словарей языка писателей, а также их системных связей с другими писательскими словарями, отражающими особенности индивидуально-авторского слога на лексическом уровне, и словарями данного языка, демонстрирующими узуальные явления на том или ином синхронном срезе, в том числе историческими и толково-историческими словарями. Проблема взаимосвязи авторского словаря как памятника писательского словоупотребления и словаря исторического иногда становились предметом отдельных наблюдений, замечаний, например, в работах Е.Л. Гинзбурга: «Словарь писателя не может не быть историческим, даже если этот писатель является автором одного-единственного произведения. У историчности словаря писателя есть два аспекта – внешний и внутренний. Внешний аспект историчности словаря обусловлен отношением корпуса текстов писателя к истории русского языка и истории русского литературного языка. Внутренний аспект историчности словаря писателя определен временными связями описываемого текста с другими текстами того же писателя...» [2. С. 28]. Действительно, авторский словарь не может не отражать, пусть в той или иной степени, лексические и грамматические нормы своей эпохи,

коль скоро писатель является их носителем и своей деятельностью способствует закреплению, развитию языковых правил, кодифицированных в грамматиках и словарях данного языка, обновлению либо, напротив, архаизации языка. Однако исторический словарь, включающий зону иллюстраций, является потенциальным источником для изучения словоупотребления писателя, контексты из произведений которого служат примером реализации того или иного значения. Кроме того, сам факт появления этих иллюстраций уже является показательным, подчеркивая важную (возможно, реформаторскую) роль того или иного мастера слова в становлении лексической системы литературного языка.

Целью предлагаемой вниманию уважаемых читателей статьи является анализ представленной в историческом словаре лексики одного из реформаторов Петровской эпохи, внесшего значительный вклад в становление языковых норм своего времени и жанров церковной и новой (светской) российской словесности – Феофана Прокоповича.

Разумеется, в качестве главного и незаменимого источника для изучения авторского слога должны выступать произведения данного писателя, однако особенно важной роль толково-исторического словаря оказывается в тех случаях, когда словоупотребление и стиль того или иного автора являются малоизученными, а писательский словарь еще не создан. Кроме того, исторический словарь оказывается важнейшей основой для исследователя, стремящегося к реконструкции языкового состояния на том или ином синхронном срезе в истории словесности, к выявлению «средней» лексической нормы эпохи и «фона» авторских новаций либо, напротив, тенденции к намеренной архаизации речи.

Выбор исследовательского объекта объясняется и тем обстоятельством, что язык Петровского времени представляет собой, по словам создателей «Словаря церковнославянского и русского языка», «столь странную борьбу разнородных элементов, столь несогласную смесь оборотов, в которых, однако ж, таился зародыш будущего усовершенствования» [З. Т. I. С. V], что под каким бы влиянием ни происходили речевые преобразования, они составляют «весьма замечательное явление в области отечественного Слова... Здесь источник слога нынешней нашей литературы; отсюда собственно начинается ее история» [З. Т. I. С. V].

Материал и методология анализа

Материал для предпринятого в рамках данной работы анализа извлечён из академического «Словаря русского языка XVIII века» (далее – СлРЯ18): проанализированы вышедшие из печати выпуски с 1-го по 22-й. Словарь, подготовка которого началась под руководством Г.П. Блока и Ю.С. Сорокина в Словарном секторе Института русского языка Академии наук СССР (Ленинград) и ныне продолжается в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), отражает процессы постепенного складывания лексических и грамматических норм национального русского литературного языка между 1690-ми и 1810-ми гг. Период первой трети XVIII столетия отличается особым динамизмом и тесным взаимодействием, взаимовлиянием самых разных речевых стихий – церковнославянской, книжно-славянской, старорусской, разговорно-простонародной, диалектной, фольклорной, жаргонно-просторечной, официально-деловой, иноязычной и пр.

Иллюстративной основой и базой картотеки СлРЯ18 стали труды церковных и политических деятелей, писателей, авторов риторических руководств, грамматики и словарей, принимавших активное участие в реформировании нового гражданского (государственного) языка и разработке жанров светской словесности (ораторской прозы, драматургии, поэзии) и учебно-научной литературы.

В качестве методологической основы исследования в работе используются труды, посвященные проблеме «западнорусского (письменного) языка» (такой термин представляется как исторически первичный в отечественных филологических исследованиях более предпочтительным, хотя и вызывает нарекания со стороны отдельных лингвистов ближнего и дальнего зарубежья¹) и отдельных произведений, написанных на нем². Ведущими для автора статьи являлись диахронический подход и лексикографический метод, при анализе использовались приёмы сравнения, сопоставления, интерпретации.

¹ См. некоторые точки зрения на понятия «западнорусский язык» и «проста мова», например, в работах: [4–9].

² См., напр., [10. С. 248–249].

Анализ материала

«Словарь русского языка XVIII века» содержит 1 386 вокабул, в которых при толковании значений используются иллюстрации из произведений Феофана Прокоповича (поиск по электронной версии [11]¹ выдал 1 240 отсылок к сочинениям Феофана; постраничный поиск в 20, 21 и 22-м выпусках словаря – 60, 46 и 40 сигнатур соответственно). Список трудов проповедника-реформатора, послуживших источником примеров, представлен в [12. С. 107–108, 112, 135].

Рамки статьи, разумеется, не позволяют представить полный разбор всех словоупотреблений Феофана Прокоповича, зафиксированных в СлРЯ18, поэтому остановимся на основных тематических группах и некоторых семантических, грамматических, ареальных и стилистических особенностях лексики, принадлежащей перу политика, ратора и писателя.

Феофан Прокопович, став яростным защитником Петровских преобразований, контролировал создание важнейших документов, регламентирующих жизнь подданных Российского государства, процессы «справы» и перевода новой и старой учебной литературы, писал «слова», панегирики, оды, посвященные важнейшим историческим событиям и персонам. Лингвистическая правка Феофана имела целью «изменение характера языка: церковнославянский заменяется на “простой” русский язык» [13. С. 959]. При этом взгляды Феофана на роль церковнославянского регистра в складывающейся системе нового (гражданского) языка эволюционировали: «...если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык»² [13. С. 981]. Об этом же говорит и правка, собственноручно произведенная Феофаном для некоторых сочинений (например, «Ис-

¹ В дальнейшем, если нет иных указаний, ссылки на примеры даются по электронной версии данного словаря.

² Ср. с заключением Б.А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком разговорным» [14. С. 123].

тории Петра Великого» и «Духовного регламента») и демонстрирующая поддержку Феофаном монаршей воли – установку на создание нового («простого») языка на более позднем этапе конца 1720-х – начала 1730-х гг.

Книжно-письменная, в том числе церковнославянская стихия, несмотря на эволюцию лингвистических взглядов Феофана, широко представлена в его словнике (сопровождается в СЛРЯ18 пометами «Слав.», «Церк.-слав.», «Ритор.», «Поэт.»), что связано, прежде всего, с высоким книжным регистром большей части его творений – проповедей, торжественных слов, произнесенных по тому или иному важному поводу, панегириков. Например:

«ВЕЛЕЛЪПНЫЙ <...> *Мѣсто кивоту в его поставление и хранение честное, и по достоянню велелѣпное и славное.* Пркп. СР I 88»;

«ВЕЛИЧЕСТВИЕ <...> *Не безсилем бо православное сие царство толико разширися, яко вся западняя государства противу величества его суть, аки рѣки противу безмѣрнаго океана.* Пркп. СР I 24»;

«ДОСТОДОЛЖНО и ◀ (слав.) **ДОСТОДОЛЖНЪ**, нареч. **1.** *Подобающим, должным образом. Добрѣ и досто́длжнѣ, при воспоминани толикаго дара Бжия, совершаем блгодарение Бгу нашему.* Пркп. <...> Полт. 11. **2.** *предикат. Подобаает, следует. Досто́длжно убо есть, да ... послужим словом простым и ясным нуждь нашей.* Пркп. Ц, вл. 2».

На протяжении XVIII столетия часть этой лексики постепенно выходила из употребления, оставаясь в пассивном старославянском фонде в качестве «обветшалой».

Некоторые репрезентации являются семантическими архаизмами уже и в русском языке Петровской эпохи:

«ПОСЛЪДНИЙ. *Слав. Последующий, будущий. Оставити не умирающую славных дѣл своих память послѣдним въком.* Пркп. Полт. 1» [11. Вып. 22. С. 166]; и пр.

Прокопович широко использовал лексемы, связанные с античной мифологической и религиозной тематикой (например, *авгур, Авессаломов, акафист, анабаптист, ангел, ангельский, апокалипсический, апокриф, Аполлин, апостольский, афеист, афеистский, бес, блаженный, блажити, благодостынный, Бог, божок, великомученица, вера, верование, весталный, вечеря, ветхозаветный, ветхозаконный, водокрапление, волхв, догмат, дракон, евангельский, египетская тма, знамение, иконоборец, Иуда, кадило, креститель, Марс, Марсов,*

осанна и пр.), относящиеся к морально-этической проблематике (например, злота, вознрадить, добродетель, злодейственный, злочестивый, лежкодушный, лжесловить, лицемерие, окаянник и пр.), ментальной сфере (ведети, веровать, внимательне, внятнй, возмнйтсья, воспоминание, выбор, глупый, гностик, думать, знать, истина, ложный, мозг, мудрствовать, мыслить, омрачение, помыслить [11. Т. 22. С. 10], постизати [11. Т. 22. С. 208] и др.), области науки (арифметический, вещественный, вещество, историк, книжник, любомудрец, метонимия, повсемственный [11. Т. 20. С. 127] и пр.) и творческой сфере (автор, апология, басня, велеречие, витийство и др.), военной и политико-географической проблематике (например, агличанский, арматный, армия, ботик, бельгийский, бунтоваться, военачалник, воин, воинство, война, вооружив, оружнй, держава, державный, державствовать, завоевать, иго, латы, междуоусобие, мечник, монархия, мятеж, напастник, нашествие, ополчение, политический [11. Т. 21. С. 172], посолство [11. Т. 22. С. 181] и др.).

Питал пристрастие Феофан к использованию сложных слов: боголюбец, боголюбие, богомудрий, богословный, богочтение, буесловец, буесловящий, велегласный, велеречить, великоименитый, великородие, вседействительный, вседаровитый, вседушный, всенародный, всеплодный, долгоденственный, долготерпети, достоделный, жестокосердый, жестоководный, зловоление, краснословный, красовидный, кривосудие, кривосудец, мерзослов, молвотворство, подбонравный [11. Т. 21. С. 10], порфирородный [11. Т. 22. С. 127] и др. Особенно выделяется в количественном отношении группа композитов с церковнославянскими корнями благо- и едино- (благовестие, благовестник, благоволить, благовременный, благодарение, благодетяти, благовестничество, благодушество, благодушествовати, благозаконие, благополучие, благопоспешество, благодворец, благословенный, благословенне, благословить, благосостояние, благосовестный, благостроение, благоутробие; единоверный, единовластный, единоглавный, единомудушный, единократный, единоличный, единопольный и пр.), а также элементом много- (многодельный, многолетно, многоочитый, многоручный, многоценный и др.).

В словообразовательных цепях Феофана есть множество слов, начинающихся с приставок БЕЗ- (безбедный, безбожие, безглавный, безгодие, безгрешник, безделный, бездушие, беззавистие, безкнижный, безнадежный, безопасие, безпечальне, безпристрастие, без-

срамно, безстудие, безчеловечие и др.), ВОЗ-/ ВОС- (возблаговолить-ся, возбранный, возбудить, возвеселить, возвратити, возглаголати, возгнушаться, возгреметь, воздержник, возжадася, возжигать, возмогший, вознегодовать, возношение, возопить, возревновать, возъяти, возъяренный, восписати, воспрекословить, воспятить и др.) и – самая многочисленная словообразовательная парадигма – НЕ- (небезнадежный, неблагодарствие, небольшой, небрежение, невелеречивый, недвижимый, недоведомый, недоприятелство, незабвение, независтный, незлобивый, незыблемый, неизвестие, неисправление, неистомленный, неисходно, неключимый, некончаемо, нелицемерно, неложный, нелюбо, немиролюбие, немолчно, неборимый, необстоятельный, неопасность, неоружный, неоскудеваемый, неотвратный, неотлагаемый, неотмищенный, нетрицаемый, непамять, неповреждение, непокаяние, неполучение, непостыдно, непочему, неправедник, непрекословный, непрестающий, непримирительный, непритворный, непротивный, непрямой, непщевание, нерадивый / -о, нерадимый, нерассуждение, нескорый, неславный, несомнительный, несразуменный, нестужительно, нестяжание, нетление, неугодие, неудоверителный, неумытный, нечаяние и мн. др.).

Лексико-семантические варианты слов в переносных значениях из произведений Феофана позволяют составить представление о тропике ритора и писателя, например:

«**ВРУЧИТЬ** (-ти) <...>. 1. что. Передать из рук в руки, отдать лично кому-л. <...> 2. что. Вверить управление, распоряжение чем-л., поручить. <...> | Перен. О духовной пастве.¹ *Пастырь ли дховный еси; ... корми словом Бжшим Овцы вручѣнныя и оберегай от волков кожами овчими одгянных.* Пркп. Ал. Невск. 5»;

«**ВЕРХ** <...> Слав., Поэт. Голова, темя. *Не тако ли праведная корона нынѣ на верьх Екатерины возложена?* Пркп. СР II 105. <...> 2. только ед., кого-чего и кому-чему. Высшая степень чего-л., высший образец кого-л. <...> *Подал Ей <бог> то, чего Она не искала, не желала, и не думала. От низкаго удолия, на верьх славы возвел.* Пркп. СР III 189»;

«**ГНОИЩЕ**, а, ср. Слав. Навозная куча или место, наполненное нечистотами. <...> | Перен. *Егда убо на каковъй чина степень восходиши, или и*

¹ Ср. с иным порядком подачи лексико-семантических вариантов и отсутствием упоминания о добавочных переносных значениях в «Словаре Академии Российской»: «Вручаю <...> 1) Отдаю кого или что кому; ввѣрю чьему попеченію, смотрѣнію. <...> 2) Въ руки отдаю...» [15. Т. 5. Стб. 215].

в рабском **гноици** обрѣтаешися, Бже то опредѣление есть. Пркп. Ал. Невск. 4.»¹;

«**ПОДВИЗАТЬ** (-ти), йю, йет, несов.; **Подвизающий, Подвизаемый**, прич. Слав. 1. что. Двигать. <...> Перен. Воздвигать. *Подвизали на себе Жидове гнев непрестанными на Римлян бунтами.* Пркп. СР II 32.» [11. Т. 20. С. 183].

Нередки в риторических опытах Феофана метафоры, а также перифразы, построенные на трансформации исходного значения, восходящие к библейским текстам, например:

«**Облак** страшный безчисленных **бѣд**. Пркп. Ц. вл. 17. »; «<...> *Тожде ясно видим и в нѣких Христовых притчах, о худом домостроителѣ, о злых винограда дѣлателѣх.* Пркп. Ал. Невск. 6»; «<...> *Начем слава сия <великих Храмов> основана стоит? на камени и кирпичѣ, на персти, и человеческому насилию, и времени **вселяцу** подлежащей.* Пркп. СР II 69».

СлРЯ18 фиксирует и сравнения, характеризующие индивидуаль-но-авторский слог Феофана, например:

«*Ни кого, почитай, кромѣ Верховных, не было, кто бы таковая <письмо Анны Иоанновны> слушав, не содрогнулся, и самии ти, которые вчера великой от сего собрания пользы надѣялись, опустили уши, как бѣдные ослики.* Пркп. Конч. П. II 204»; «*Мы в бѣдствіях суетнаго и непостояннаго мира, аки в морских волнениях, обуреваемы плывем*» [11. Т. 20. С. 49].

Исторический словарь представляет также используемую Прокоповичем фразеологию: *плоть от плоти* [11. Т. 20. С. 32], *поврещиши под ноги* («покориться») [11. Т. 20. С. 97], *власти предержащие* [11. Т. 21. С. 142], *Что пользует...*² [11. Т. 21. С. 213] и др.

Особенно интересны примеры гапаксов у Феофана (лексемы сопровождаются пометой «Един.» в СлРЯ18):

¹ САР не фиксирует переносное значение для этого церковнославянизма – см. [15. Ч. 2. Стб. 117].

² Интересно, что, употребив, возможно вслед за своим литературным наставником Прокоповичем, в начале поэтического высказывания *Что пользует...*, Антиох Кантемир в примечаниях к своей VIII сатире уже дает пояснение: «Что пользы» [16. С. 172].

«**ВОЗБРЕГ**, нареч. (Един.) На берегу над рекой. *Стояху възбрег Днѣпра многочисленныи полки Свѣтѣйшии*. Пркп. СР I 42»;

«**ВОЗНЕМОЩЕСТВОВАТИ**, *ствую, ствует*, сов. (Един.) Стать немощным; стать бессильным. *Нынѣ уже да увидим, како и когда закон Божий вознемооществова и безсилен сотворися во плоти челоувѣчестѣй*. Пркп. Рожд. IX 125»;

«**ЛЯХОЛЮБЕЦ**, -бца, м. (Един.) *Лжет бо <Мазена>, сыном себе Россійским нарицая, враг сый и Ляхолубец*. Пркп. СР I 31»;

«**МАЛОРОССИЙЧИК**, а, м. (Един.) Унич. Малоросс. *Был в то время в малой России Гетман Иван Мазена, родом и сам Малороссійчик*. Пркп. ПВ 156»;

«**МОНАРХИЙСКИЙ**, ая, ое. (Един.) *Увидим Монархійскаго блгополучия долгоденствие, идѣже не оскудѣвает Монархов наслѣдие*. Пркп. Рожд. ПП 1»;

«**МНОГОИЗМѢННЫЙ**, ая, ое. (Един.) Изменчивый, разнообразный. *Блгоразумный члвѣкъ видит <в прошлом> многоизмѣнныя фортуны играния*. Пркп. 1717 б»;

«**МНОГОРÓДНЬЙ** <...> (Един.) Относящийся ко многим родам, народам. *А сия брань на нас шведская възъярилася от зависти и рвенія. Шведская, рѣх, аще непаче реци, многорóдная: мнози бо шведам ово желъзом, ово серебром, ово дѣлом ... содѣйствовати*. Пркп. Полт. 2»;

«**МНОГОСТРАННЫЙ**, ая, ое. (Един.) Относящийся к многим странам, народам. <...> *Не всѣм Королем подается <имя Император>, но точию великих и многостранных народов Государям*. Пркп. Понтиф. 9.».

Вопрос о том, какие из единичных словоупотреблений, зафиксированных у Феофана, являются окказиональными словами или значениями, нуждается, разумеется, еще в проверке на широком историческом фоне.

Добавим, что одно из слов, отмеченных в качестве гапаксов Василия Третьяковского (вокабула «**Звѣрный**, ая, ое. (Един.) *Многи зверныи скоты завсе нападали И, конечно, не боясь, нас они топтали*» – пример в словаре дан из «Феоптии»), встречается и в ранее написанном произведении Феофана «Епиникион...»: ... *Да и всю лютость и вес изнурит яд звѣрный*... [17. С. 209]. Это позволяет, как кажется, прийти к заключению, что язык Феофана как авторитетного наставника российских поэтов послепетровского периода повлиял на слог Третьяковского.

Культурно-языковая политика Петра Великого привела к радикальным трансформациям в сфере российской словесности. Как отмечал В.М. Живов, «новый литературный язык, создававшийся в соответствии с петровской культурной политикой, должен был противо-

стоять традиционному как понятный непонятному; в то же он выступал как “гражданское наречие”, т.е. как язык секулярной культуры, превращая тем самым традиционный книжный язык в средство выражения культуры клерикальной. <...> Данная семиотическая функция нового литературного языка могла вступать в противоречие с тем требованием понятности и доступности, которое выдвигалось в качестве основной причины его создания. Это противоречие с особой выразительностью проявилось в широком употреблении неосвоенных или малоосвоенных заимствований в текстах петровского времени...» [13. С. 984]. Феофан использует новые заимствования, однако на фоне спектра представленной в СлРЯ18 лексической палитры германизмы, галлицизмы и латинизмы количественно скромны: «Дѣлом показал еси <о Петре I> **артикул** сей, еже ходити по должнству своего звания. Пркп. Ал. Невск. 9»; «Представляйте себѣ пред очи трудные оныя приступы, и **аттáки**... Пркп. О мире 7»; «Силы помянутых добродѣтелей виновныя... в сей великой душѣ во всесладку **армонию** согласуются. Пркп. СР II 107»; «Коль полезно есть правительство самодержжское наследуемое, вопреки коликим бѣдствием отверста стоит **демократция**. Пркп. Рожд. ПП 3»; «В скором времени Константинополя достигл корабль тот, и когда по обыкновеню отдал из пушек **лозонг** Россійский, вельми то удивило Турков. Пркп. ПВ 27»; «Являеши нам в Цѣрь и простаго воина, и многодѣльнаго **мáйстера**, и многоименитаго дѣлателя. Пркп. Ал. Невск. 10»; «Прежняя **мизерныя** из базару покупки воспоминали мы со смѣхом в притчу. Псм Пркп. 441»; «В многострáнной **перегринации** вящшаго и вящшаго искусства навькати тицмся. Пркп. 1717 7»; и др.

Помимо книжно-письменной лексики, Прокопович использует «простонародные» слова, однако крайне редко, например: *бабий*, *вещица* (перен.), *вракать*, *догад*, *долбить* (перен.), *затейка*, *нишкнутъ*, *поговорка* [11. Т. 20. С. 143].

Одной из лексических подгрупп, фиксируемых «Словарем русского языка XVIII века», оказываются вокабулы с пометой «юго-зап.» (юго-западное), которая сопровождает «слова в источнике своем польские, украинские, белорусские, пришедшие через украинское и белорусское посредство и характерные для представителей юго-западной образованности в России первой трети XVIII в.» [12. С. 38]. Феофан Прокопович, биография и творческая деятельность которого тесно связаны с Киево-Могилянским «коллегиумом», не гнушался

использовать в своих трудах родные для него украинские слова, причем и в торжественных «словах» (два глагола и наречие, отличающиеся от русских аналогов только морфемным составом и ударением) и письмах (наименования бытовых реалий): **висят** ('зависят'), **готóвал**, **истотно**, **бута**, **гута** и пр.¹ Использование элементов «простой мовы» вполне соответствует установкам Феофана в петербургский период его деятельности, в том числе в области «справы» старых и переводных печатных слов и выражений.

После Петра I на смену первому поколению реформаторов приходит открывшаяся в 1725 г. Академия наук и стремление к «чистоте слога». Показательно отношение выросшего уже в новые (поздние и послепетровские) времена поколения ученых и писателей-реформаторов языка к сочинениям и слогу Феофана Прокоповича. Так, по настоянию Ломоносова А.П. Сумароков исключил из своей «Эпистолы о стихотворстве» (1748 г.) стихи, содержащие, с одной стороны, похвалу, с другой – упрек в несоблюдении «чистоты» языка и слога: ...*Феофан, Последователь сей пресладка Цицерона И красноречия российского корона, Хоть в чистом слоге он и часто погрешал, Но красноречия премного показал...* [18. С. 821]. В чем состояли эти погрешности, А.П. Сумароков объяснил позднее в статье «О российском духовном красноречии»: «...малороссийския речения, и требуемая, не ведаю ради чего чужестранныя слова, сочинения ево несколько безобразят; но они довольно заплачены другою чистотою» [19. С. 298].

Результаты и выводы

Наблюдения над составом вокабул, содержащих отсылки к Феофановым трудам в «Словаре русского языка XVIII века», позволяют очертить круг лексики, используемой в ораторских, политических, стихотворных сочинениях сподвижника Петра Великого: это обозначения мифологической, религиозной, морально-этической, менталь-

¹ Не сопровождается пометой «юго-зап.», но относится к полонизмам и украинизмам использованное Прокоповичем слово «**БРАТЕРСТВО** 1716, а, ср. Пол. *braterstwo*, через укр. *братерство*. Братские, дружеские отношения. Которыи нас гнушалися яко грубых, ищут усердно **брáтерства** нашего. Пркп. Рожд. ПП 6». Также полонизмами (украинизмами) являются, например, *домовство* и *докладно* в речи Феофана.

ной, научной, творческой, военной и политико-географической сфер. Уже этот перечень позволяет прийти к заключению не только об особенностях релевантных для писателя, богослова и политика аспектов национальной картины мира, нашедшей особое преломление в его произведениях, но и о той важной роли, которую играл Феофан Прокопович в формировании терминосистемы и нового гражданского дискурса, а также художественной речи.

Материал СлРЯ18 позволяет заключить, что старославянская лексическая стихия играла важнейшую роль в разножанровом творчестве Феофана Прокоповича, однако в его книжно-письменный слог вторгались новые речевые веяния (заимствования из западноевропейских языков), диалектные и просторечные элементы, о степени распространенности которых в духовных и светских произведениях великого ритора Петровской эпохи можно будет судить только после тщательного их контент-анализа и, возможно, создания писательского словаря Феофана Прокоповича.

Условные сокращения

Принятые в СлРЯ18 и присутствующие в иллюстративном материале, приводимом в данной статье – ср. также с [12. С. 100, 107–108, 112, 135]:

Пркп. 1717 – Феофан Прокопович. Слово в неделю осмую надесятую, сказанное... чрез ректора, честнейшего отца Прокоповича. СПб., 1717.

Пркп. Ал. Невск. – Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского. Проповеданное Феофаном епископом Псковским... 1718 г. СПб., 1720.

Пркп. Конч. П. П – Феофан Прокопович. Описание кончины Петра II и бывших после оной происшествий [1730]. – В кн.: Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при ими. рос. дворе в звании посла короля испанского. Перев. Д. Языкова. СПб., 1845, с. 186–217.

Пркп. О мире – Феофан Прокопович. Слово о состоявшемся, между империею Российскою, и короною шведскою, мире, 1721 г., авг. в 30 день, проповеданное преосвященным Феофаном... 1722 г., генваря 28. СПб., 1723.

Пркп. ПВ – История имп. Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии...; соч. Феофаном Прокоповичем... СПб., 1773.

Пркп. Полт. – Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской: Сказанное... чрез честнейшего отца, ректора Прокоповича, июня в 27 день 1717. СПб., 1717.

Пркп. Понтиф. – Феофан Прокопович. Розыск исторический, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и христианстии понтифексами или архиереами многобожного закона... СПб., 1721.

Пркп. Рожд. IX – Феофан Прокопович. В день рождества господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1717.

Пркп. Рожд. III – Надежда добрых и долгих лет российской монархии, сын богом данный его царскому пресветлейшему величеству Петру Первому. Петр Петрович, проповедию провозвещенна... Феофана Прокоповича, академии Киевской ректора. СПб., 1717.

Пркп. CP – Феофана Прокоповича... Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные. [1706–1735]. СПб., 1760–1774, ч. 1–4.

Пркп. Ц. вл. – Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской, яко от самого бога в мире учиненна есть, и како почитати царей, и оным повиноватися людие должествуют... СПб., 1718.

Псм Пркп. – Письмо Феофана Прокоповича к Киевскому архиепископу о Братском училищном монастыре. 1736. – Русский Архив: Ежемесячный журнал. СПб., 1865. С. 439–443.

2) Используемые в статье для сокращенного наименования лексикографических изданий:

САР 1789–1794 – Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.

СЛРЯ18 11. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–... – Вып. 7–... URL: <http://feb-web.ru/feb/slov-abc/>

СлЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.

Список источников

1. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

2. Гинзбург Е.Л. Альтернативы писательской лексикографии. II // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 2. С. 27–42.

3. Словарь церковнославянского и русского языка. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. I. 439 с.

4. Карский Е.Ф. Что такое древнее западнорусское наречие? // Труды Девятого археологического съезда в Вильне, 1893 / под ред. графини Уваровой и С.С. Служцкого. Т. II. М., 1897. С. 62–70.

5. Житецкий П.И. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Ч. 1. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889. 275 с.

6. Мозер М. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hung. 2002. № 47/3–4. С. 221–260.

7. Moser M. Mittelruthenisch (Mittelweißbrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick // Studia Slavica Hung. 2005. № 50/1–2. S. 125–142.

8. Мойсиенко В.М. Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // Славяноведение. 2007. № 5. С. 45–64.

9. Смирнова Е.А. «Проста мова» // Русская речь. 2009. № 3. С. 75–79.

10. Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1888. 414 с. URL: <https://archive.org/details/vladymyrov1888/page/n3/mode/2up>
11. *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-е, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>; Вып. 20–22. СПб. : Наука, 2013–2019.
12. *Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников* / под общ. ред. Ю.С. Сорокина. Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1984. 141 с.
13. *Живов В.М.* История языка русской письменности : в 2 т. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.
14. *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 216 с.
15. *Словарь Академии Российской*. СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1789–1794. Ч. 1–6.
16. *Кантемир А.* Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. 547 с.
17. *Прокопович Ф.* Сочинения / под ред. и с предисл. И.П. Еремина; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1961. С. 335–455.
18. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 / ред. В.В. Виноградов и др. М.; Л. : АН СССР, 1952. 993 с.
19. *Сумароков А.П.* О российском духовном красноречии // Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе / Покойнаго действительнаго статскаго советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго ученаго собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольнаго Российскаго собрания при Имп. Московском университете. Ч. VI. М. : Университетская типография у Н. Новикова, 1781. С. 295–302.

References

1. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian authorial lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Ginzburg, E.L. (2000) Al'ternativy pisatel'skoy leksikografii. II [Alternatives to writer's lexicography. II]. *Vestnik MGU. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 27–42.
3. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian languages]. Vol. 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Karsky, E.F. (1897) [What is an ancient Western Russian dialect?]. *Proceedings of the Ninth Archaeological Congress in Vilna*, 1893. Vol. II. Moscow. pp. 62–70. (In Russian).

5. Zhitetsky, P.I. (1889) *Ocherk literaturnoy istorii malorusskogo narechiya v XVII i XVIII vv.* [Essay on the literary history of the Little Russian dialect in the 17th and 18th centuries]. Part 1. Kyiv: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo.
6. Moser, M. (2002) What is “simple language”? *Studia Slavica Hung.* 47/3-4. pp. 221–260. (In Russian).
7. Moser, M. (2005) Mittelruthenisch (Mittelweißbrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick. *Studia Slavica Hung.* 50/1–2. pp. 125–142.
8. Moisienko, V.M. (2007) Etnoyazykovaya prinadlezhnost’ “rus’koy movy” vo vremena Velikogo knyazhestva Litovskogo i Rechi Pospolitoj [Ethnolinguistic affiliation of the “Russian language” during the time of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Slavyanovedenie.* 5. pp. 45–64.
9. Smirnova, E. A. (2009) “Prosta mova” [“Simple language”]. *Russkaya rech’.* 3. pp. 75–79.
10. Vladimirov, P.V. (1888) *Doktor Frantsisk Skorina. Ego perevody, pechatnye izdaniya i yazyk* [Dr. Francis Skaryna. Its translations, printed editions and language]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. [Online] Available from: <https://archive.org/details/vladymyrov1888/page/n3/mode/2up>
11. Sorokin, Yu (ed.) (1984–1991) *Slovar’ russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
12. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984) *Slovar’ russkogo yazyka XVIII veka: Pravila pol’zovaniya slovarem. Ukazatel’ istochnikov* [Dictionary of the Russian language of the 18th century: Rules for using the dictionary. Index of sources]. Leningrad: Nauka.
13. Zhivov, V.M. (2017) *Istoriya yazyka russkoy pis’mennosti: v 2 t.* [History of the language of Russian writing: in 2 volumes]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
14. Uspensky, B.A. (1985) *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni* [From the history of the Russian literary language of the 18th – early 19th centuries. Karamzin’s language program and its historical roots]. Moscow: Moscow State University.
15. Imperial Academy of Sciences. (1789–1794) *Slovar’ Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Parts 1–6. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
16. Kantemir, A. (1956) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’.
17. Prokopovich, F. (1961) *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 335–455.
18. Lomonosov, M.V. (1952) *Poln. sobr. soch.: v 11 t.* [Complete works: in 11 volumes]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
19. Sumarokov, A.P. (1781) O rossiyskom dukhovnom krasnorechii [On Russian spiritual eloquence]. In: *Polnoe sobranie vseh sochineniy: V stikhakh i proze* [Complete works: In verse and prose]. Part 6. Moscow: Universitetskaya tipografiya u N. Novikova. pp. 295–302.

Сведения об авторе:

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: nvpatr@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natal'ia V. Patroeva, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Russian Language Department. Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: nvpatr@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2024;
одобрена после рецензирования 29.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.*

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 29.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.*